

На правах рукописи

Кириллова Ксения Игоревна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕОЛОГЕМ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ОБРАЗЫ РОССИИ И США В РОССИЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ МЕДИА)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель:

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

Официальные оппоненты:

Прокофьева Лариса Петровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и латинского языков ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Саратов

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград

Защита состоится **27 мая 2026 года в 14.00** часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук **24.2.392.12** на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 515.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: ул. Университетская, 42, читальный зал № 3, и на официальном сайте ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»: https://www.sgu.ru/sites/default/files/2026-02/KirillovaKI_diss.pdf.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Алтынбаева
Гульнара Монеровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из активно развивающихся направлений в современной лингвистике стало исследование политической коммуникации, в том числе политической (идеологической) картины мира (далее ПКМ) и ее компонентов – идеологем (политических концептов). Важную роль в моделировании и генерировании идеологем и ПКМ, по мнению большинства исследователей, играют метафоры в широком их понимании (включая генетические, частичные переносы и фразеологизмы с метафорической основой).

Объектом данного диссертационного исследования стали концептуальные метафоры, используемые при характеристике страны-оппонента (США и Russia) в российских и американских общественно-политических массмедиа в период резкого обострения отношений между РФ и США: с 24.02.2022 (начало специальной военной операции на Украине; далее СВО) по 20.01.2025 (день инаугурации президента США Д. Трампа).

Предмет исследования – концептуальные метафоры как способ формирования и репрезентации идеологем в современной политической коммуникации.

Степень научной разработанности темы исследования. Образы США и РФ в СМИ регулярно становятся объектом изучения в гуманитарных науках, в том числе в рамках политической лингвистики. Активно исследуются способы репрезентации данных образов в лексическом, грамматическом и стилистическом аспектах. Систематически анализируются метафоры, употребляемые политиками, экспертами и публицистами при характеристике США и РФ. Однако последовательного сопоставительного лингвистического и когнитивного анализа концептуальных метафор как способа формирования образов страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA») в российских и американских массмедиа последних, наиболее кризисных для отношений между РФ и США лет, пока не проводилось.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами: (1) изучение политической коммуникации (в том числе медиаполитического дискурса) – одно из самых востребованных в современной антропоцентрической парадигме, что обусловлено сложной организацией, многофункциональностью, когнитивной насыщенностью этого типа коммуникации; (2) концептуальные метафоры являются важным средством формирования и репрезентации языковой картины мира (далее ЯКМ), но в разные периоды и в разных типах дискурса модели метафоризации и средства их выражения могут иметь существенные различия; (3) концептуальные метафоры играют важную роль в политической коммуникации, в формировании ПКМ, а также ее компонентов – идеологем; (4) наиболее ярко данные свойства концептуальных метафор проявляются в периоды обострения социально-экономических и политических отношений внутри страны и в мире.

Цель исследования – выявить основные принципы метафоризации как способа формирования образа (идеологемы) страны-оппонента («США» и

«RUSSIA») в современных российской и американской политических картинах мира.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**.

1) Изучить исследовательскую литературу по теории метафоры в лингвистическом, когнитивном и дискурсивном аспектах, политической коммуникации; систематизировать основные теоретические положения, которые могут лечь в основу исследования концептуальных метафор, характеризующих Россию и США в российских и американских массмедиа с 24.02.2022 по 20.01.2025;

2) Выявить контексты, включающие метафорическую характеристику страны-оппонента (США и Russia), в российских и американских массмедиа с 24.02.2022 по 20.01.2025;

3) Установить регулярные источники метафоризации зафиксированных переносов;

4) Дать характеристику основных моделей метафоризации, используемых в современных российских и американских массмедиа для репрезентации страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»);

5) Определить основные концептуальные признаки идеологем «США» и «RUSSIA», выражаемые с помощью концептуальных метафор в современных российских и американских массмедиа.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что политические картины мира, репрезентируемые в российских и американских массмедиа, формируются при помощи универсальных и этноспецифичных концептуальных метафор в рамках определенных моделей метафоризации. Предполагается, что анализ механизмов метафорического моделирования позволит выявить общие когнитивные механизмы формирования данных ПКМ и их национальные особенности.

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в областях когнитивной лингвистики и метафорологии (Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, М. Блэк, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Г. Н. Склярская, В. Н. Телия, Ф. Уилпрайт, А. П. Чудинов, J. Charteris-Black, R. Gibbs, M. Johnson, Z. Kövecses, G. Lakoff, F. R. de Mendoza), теории дискурса (Т. М. Грушевская, Е. В. Ишменев, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Е. И. Шейгал, G. Brown, T. A. van Dijk, N. Fairclough, Ch. Hart, M. Stubbs, G. Yule), а также концептологии и языковой картины мира (Н. Ф. Алефиренко, С. А. Аскольдов (Алексеев), А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Н. В. Крючкова, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, У. Чейф), в основе которых лежит современное антропоцентрическое представление о языке. При анализе использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные **методики** анализа текстового материала в системно-структурном и контрастивном аспектах, сопоставительный анализ, элементы количественного и статистического методов, а также общенаучные методы (описательный, индуктивный и дедуктивный).

Материалом и источниками исследования послужили 13 российских и 13 американских электронных вариантов печатных и собственно цифровых общественно-политических массмедиа за период с 24.02.2022 по 20.01.2025. В результате контекстуального анализа было выделено 150 российских и 110 американских публикаций за период с 24.02.2022 по 20.01.2025, в которых при характеристике страны-оппонента (США и Russia) используются концептуальные метафоры. Общий объем данных текстов составляет 117000 и 127000 словоупотреблений соответственно. На основании сплошной выборки из указанных публикаций были составлены русский и английский (американский вариант) метафорические корпуса: российские СМИ – 1442 контекста с 774 метафорическими единицами, американские СМИ – 1515 контекстов с 712 метафорическими единицами. Данные корпуса составили эмпирическую базу исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые выделены и комплексно (в лингвистическом и когнитивном аспектах) исследованы русскоязычный и англоязычный метафорические корпуса, содержащие характеристику страны-оппонента (США и Russia), в российских и американских массмедиа в период резкого обострения отношений между США и РФ (24.02.2022 – 20.01.2025); дан сопоставительный анализ регулярных источников и моделей метафоризации, используемых для репрезентации образа страны-оппонента; выявлены типичные социально-политические ситуации, в которых употребляются соответствующие переносы; установлено общее и специфическое в принципах использования метафорических моделей при репрезентации идеологем «США» и «RUSSIA» в современных российских и американских массмедиа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование позволяет уточнить роль концептуальных метафор в формировании идеологем в современной политической коммуникации, выявить общее и национально-специфические в принципах метафоризации в ПКМ современных массмедиа, тем самым расширить общие представления о структуризации метафорических систем неблизкородственных языков и особенностях их функционирования в разных типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты и материал исследования могут быть использованы при чтении курсов и спецкурсов по теории языка, дискурсу, когнитивной лингвистике, политической лингвистике, теории метафоры, а также в преподавании русского и английского языков как иностранных.

Достоверность и обоснованность результатов исследования и выводов, сделанных на их основе, обеспечивается объемом и разнообразием эмпирической базы, системностью анализа и соответствием основным теоретическим положениям.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современные российские и американские массмедиа активно используют концептуальные метафоры как способ формирования и репрезентации образа страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»).

Данный процесс носит системный и когнитивно значимый характер. Ядерное положение в обоих метафорических корпусах занимает пространственная макромодель, околоядерное – социоморфная; к ближней периферии относится антропоморфная макромодель, к дальней – натуралистическая.

2. Основу макромоделей и конкретных моделей метафоризации составляют общеязыковые русские и английские концептуальные метафоры, модифицированные в соответствии с их основной идеологической (политической) функцией – быть средством формирования и репрезентации образа страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»). Наиболее последовательно данные метафоры образуют систему деятельно-динамических, бытийно-динамических, реляционных и квантитативно-качественных переносов, с помощью которых дается социально-политическая и экономическая характеристика страны-оппонента в международном и внутринациональном аспектах.

3. Ядерная пространственная макромодель в обоих корпусах представляет собой сложную, системно организованную структуру, состоящую из двух метамоделей, внутри которых выделяется несколько конкретных моделей метафоризации с четкими когнитивными матрицами, способами их реализации, используемых в определенных типах социально-политических ситуаций. Пространственные метафоры способны развивать все основные типы идеологически значимых переносных значений. Аналогичные функции выполняет околоядерная социоморфная макромодель, но, в отличие от пространственной, она представляет собой несколько метамоделей, часть из которых формируется на базе сквозных реляционных модулей сравнения (иерархическая оппозиция и оппозиция по принципу «свой» / «чужой») из членов различных социальных семантических группировок, тогда как другая часть в большей мере ориентируется на когнитивные матрицы, генерируемые в рамках отдельных полей и групп (ср.: состязательная, хозяйственно-трудовая, финансово-экономическая, сакральная). Периферийные антропоморфная и натуралистическая макромодели в меньшей степени структурированы в семантическом и когнитивном аспектах: значительная часть метафор на базе натуралистической и антропологической лексики вовлекается с сферу действия пространственных, отчасти социоморфных когнитивных матриц. Вместе с тем члены натурморфных и антропоморфных макромоделей более последовательно выполняют экспрессивно-оценочную функцию при репрезентации образа страны-оппонента.

4. Контрастивный лингвистический и когнитивный анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов показывает, что российские и американские массмедиа используют однотипные когнитивные матрицы и источники метафоризации. Различия связаны с большей или меньшей востребованностью отдельных составляющих единых когнитивных матриц, использованием конкретных членов семантических группировок в качестве источников метафоризации в рамках данных моделей. Примеры специфических источников формирования концептуальных переносов единичны (так, употребление сакральной модели в американских СМИ почти в два раза

превышает ее использование в российских СМИ; только в американских СМИ зафиксирована кулинарная модель в рамках социоморфных метафор, но и там она занимает периферийное положение).

5. Системное употребление концептуальных метафор в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента обуславливает создание хорошо структурированных метафорических образов «США» и «RUSSIA». Общим свойством данных идеологем в концептуальном аспекте является преимущественное представление о стране-оппоненте как о суверенном субъекте международных отношений с достаточно четко сформулированными целями и задачами внешнеполитического и внутривнутриполитического развития. В прагматическом аспекте общим свойством идеологем «США» и «RUSSIA» является их резко негативная оценка в российской и американской политических картинах мира. Использование единых в концептуальном аспекте моделей переносов при характеристике страны-оппонента, тем не менее, позволяет создать специфические идеологемы «США» и «RUSSIA» в российской и американской политической картинах мира.

6. «США» в российских массмедиа в международном аспекте позиционируется исключительно как агент, деятельность которого направлена на обеспечение гегемонии в мире, который провоцирует конфликты, подавляет противников, конкурентов и в своих эгоистических целях использует союзников и сторонников. Характеристика внутренней ситуации в «США» занимает относительно небольшое положение в российской политической картине мира. Акцент в основном делается на двухпартийной конфронтации, которая потенциально может спровоцировать социально-политический и экономический кризис в стране.

7. «RUSSIA» в американских СМИ репрезентируется преимущественно как авторитарное агрессивное государство, руководство которого в международном плане стремится к воссозданию былого имперского величия, а внутри страны – к подавлению оппозиции и всякого инакомыслия. В отличие от «США» в российских массмедиа, «RUSSIA» в американских массмедиа, с одной стороны, регулярно становится объектом негативного внешнего экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада», а с другой – способна активно противостоять такому влиянию, развивать внутренний экономический потенциал. Однако, по мнению большинства американских журналистов и цитируемых ими политиков, экспертов, именно это указывает на необходимость усилить давление на «RUSSIA», обеспечить ее изоляцию в мировом сообществе.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на 10 международных и всероссийских конференциях: Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 19–20.04.2023), Всероссийская научная конференция (с международным участием) «VIII Моисеевские чтения» (Оренбург, 22.11.2023), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, 02–

03.02.2024), ЛII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 19–26.03.2024), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 24–25.04.2024), Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» (Казань, 29–31.10.2024), VI Международная конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (Санкт-Петербург, 07–09.11.2024 г.), ЛIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 25–31.03.2025), Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» (Казань, 21–24.10.2025), Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии» (Саратов, 13–15.11.2025).

По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 4 статьи в научных изданиях из перечня ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка принятых сокращений и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет, цели и задачи работы; устанавливается актуальность исследования, его теоретическая и практическая значимость, методологические и теоретические основы; указывается эмпирическая и теоретическая база исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Актуальные проблемы исследования метафоры в лингвистическом, когнитивном и дискурсивном аспектах»** рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с определением и типологией метафор; с исследованием ЯКМ и местом метафоры в ее репрезентации; с определением медиаполитического дискурса и ролью метафоры в формировании и репрезентации ПКМ.

Начиная со второй половины XX века, в рамках современной антропоцентрической парадигмы при динамическом подходе метафора в большинстве работ рассматривается не только как лингвистическая единица, но и как способ познания, категоризации, структурирования и оценки мира (Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, Н. Г. Брагина, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, В. Н. Телия). Когнитивная составляющая предопределяет другие онтологические признаки прототипической метафоры: вторичность в номинативно-деривационном аспекте; двуплановость и ассоциативность в когнитивно-семантическом аспекте, формируемые на основе категориального сдвига, субъективно устанавливаемого подобия, модуса фиктивности «как если бы» (Ш. Балли, А. Н. Баранов, М. Блэк, В. П. Москвин, Z. Kövecses, G. Lakoff, F. R. de Mendoza).

Сложность, неоднородность метафор определяют возможность различных типов их систематизации (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова,

Л. В. Балашова, Э. В. Будаев, В. Г. Гак, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия, L. Cameron, Ch. Forceville, R. Gibbs, C. Müller). В соответствии с задачами нашего исследования наиболее важными представляются следующие критерии дифференциации метафор: (а) по степени освоенности языком – языковые и речевые, в том числе окказиональные; (б) по основной сфере приложения – общеупотребительные, книжные и сниженные; литературные и внелитературные; (в) по степени образности – живые (образные) и генетические; (г) по наличию эмотивной составляющей – нейтральные и экспрессивные, эмоционально-оценочные; (д) по деривационному признаку – полные и частичные, словообразовательно обусловленные; (е) по номинативно-функциональному признаку – номинативные, образные и когнитивные.

Когнитивная сущность метафоры определяет ее особую роль в формировании языковой картины мира – нежесткой, сложной и динамической системы, в основе которой лежат исторически сформировавшиеся «наивные» (обиходные) представления среднего носителя языка об окружающей его действительности (А. Вежбицкая). Данная картина мира (далее КМ) содержит универсальные и этнически специфические черты, взаимодействует с другими КМ и варьируется в дискурсивно-функциональном аспекте (А. А. Кибрик, А. Е. Кошелев, В. А. Маслова, N. A. Dewi). Наиболее значимыми для формирования и репрезентации ЯКМ являются регулярные концептуальные метафоры. В их основе лежат модели метафоризации (концептуальные схемы, когнитивные матрицы), с помощью которых одна когнитивно-тематическая область структурируется и оценивается сквозь призму другой (В. П. Москвин, А. Нуньес, Г. Н. Скляревская, R. Gibbs, Z. Kövecses, A. Núñez). Однако степень моделируемости метафорических переносов может быть различной и во многом зависит от языкового материала и аспекта его изучения (Д. А. Алексеева, Л. В. Балашова, Э. В. Балаян, Г. И. Бучина).

Неоднородность национального языка в дискурсивно-функциональном аспекте обуславливает вариативность отраженной в нем ЯКМ и особенности использования концептуальных метафор. В настоящее время одной из значимых форм функционирования языка является медиаполитический дискурс – важная часть политической коммуникации, особый тип публичного институционального дискурса, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде, адресованный массовой аудитории, цель которого – борьба за власть через формирование общественного мнения (Л. В. Балашова, Т. М. Грушевская, З. В. Демьянков, Т. Г. Добросклонская, Е. В. Ишменев, К. В. Никитина, Е. И. Шейгал, Н. С. Ширяев, N. Fairclough).

В когнитивном аспекте данная цель достигается путем формирования политической (идеологической) картины мира, то есть системы образов, репрезентирующих политический мир, в том числе систему представлений о власти, политике, ее структуре, содержании и механизмах. К принципиальным признакам данной КМ относятся ее многосубъектность, плюралистичность, динамизм, коммуникативная направленность и прогностически-инструментальный характер (Э. А. Ангелина, Д. Ю. Иванов, Д. И. Моторин,

И. В. Самаркина, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер). Основной единицей данной системы является идеологема – политический концепт, в структуре которого с повышенной степенью аксиологичности актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, представления о власти, государстве, социуме, политических и идеологических институтах, напрямую зависящие от идеологической позиции, политических установок, политических задач авторов ПКМ (Л. В. Вдовиченко, Г. Ч. Гусейнов, С. А. Журавлев, Н. И. Клушина, Е. Г. Мальшева, Б. М. Пионтек). Одним из основных средств формирования и репрезентации ПКМ и ее единиц (идеологем) является концептуальная метафора, которая выполняет в медиадискурсе как части политической коммуникации три общие функции – номинативную, когнитивную, прагматическую (воздействующую и аксиологическую), а также целый ряд специфических частных функций – номинативно-оценочную, эвфемистическую, популяризаторскую, гипотетически-моделирующую, инструментальную, манипуляционную и т. п. (А. П. Чудинов, Р. А. Chilton, A. Goatly, A. Musolff, E. Semino).

В Главе 2 «Концептуальные метафоры как способ формирования образов страны-оппонента в российских и американских СМИ» анализируются метафорические макромодели, метамодели и модели, использующиеся при характеристике «США» и «RUSSIA» соответственно в российских массмедиа: «Аргументы и Факты» (далее АиФ); «Аргументы Недели» (АН); «Ведомости» (Вед.); «Взгляд» (Взг.); «Завтра» (Зв.); «Известия» (Изв.); «Коммерсант» («Ъ»); «Комсомольская правда» (КП); «Московский комсомолец» (МК); «Правда» (Пр.); «Российская газета» (РГ); «Царьград» (ЦГ); ИА «Sm. News» (Sm.); в американских массмедиа: “Axios” (Ax.); “Bloomberg” (BB); “Business Insider” (BI); “Foreign Affairs” (FA); “Foreign Policy” (FP); “Fox News” (FN); “Jacobine” (Jac.); “New York Post” (NYP); “Newsweek” (NW); “The New York Times” (TNYT); “The Washington Post” (WP); “U.S. News” (USN); “USA Today” (USAT).

В параграфе **2.1 «Общая характеристика материала исследования»** отмечается, что российские и американские СМИ активно используют концептуальные метафоры для формирования образа страны-оппонента. Русскоязычный и англоязычный метафорические корпусы отмечены рядом общих свойств: (а) в функционально-стилистическом аспекте большая часть переносов относится к общеупотребительным, сниженные и книжные представлены спорадически; (б) в функционально-типологическом аспекте абсолютное большинство метафор является полными языковыми живыми или генетическими; речевые (в том числе окказиональные), развернутые метафоры фиксируются значительно реже, преимущественно в речи цитируемых политиков, политологов, приглашенных экспертов; (в) в ситуативном аспекте метафорические контексты ограничены социально-политической, экономической характеристикой внешнеполитической деятельности страны-оппонента, а также внутренней обстановки в ней; (г) в лингвокогнитивном аспекте русскоязычные и англоязычные переносы оказываются однотипными с точки зрения источников,

мишеней и модулей сравнения метафоризации, системно организованными и значимыми при формировании идеологем «США» и «RUSSIA» в российской и американской ПКМ.

Общая структурная организация переносов в исследованных корпусах ориентирована на языковые модели метафоризации в русском языке (далее РЯ) и английском (американском варианте) языке (далее АЯ), но модифицирована в соответствии с основной функцией – быть способом формирования идеологем «США» и «RUSSIA» (см. табл. 1).

Таблица 1

Макромодели метафоризации, используемые для репрезентации образа страны-оппонента в российских и американских массмедиа

Макромодели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Пространственная	807 (56%)	424 (54,8%)	800 (52,8%)	383 (53,8%)
2 Натуралистическая	58 (4%)	33 (4,3%)	55 (3,6%)	30 (4,2%)
3 Антропоморфная	103 (7,1%)	81 (10,5%)	119 (7,9%)	85 (11,9%)
4 Социоморфная	474 (32,9%)	236 (30,5%)	541 (35,7%)	214 (30,1%)
Всего	1442 (100%)	774 (100%)	1515 (100%)	712 (100%)

В параграфе 2.2 «Пространственная метафорическая макро модель» отмечается, что данная макро модель наиболее востребована и четко структурирована в российских и американских СМИ (см. табл. 1, табл. 2). Это обуславливает ее ведущую роль в формировании образа страны-оппонента.

Таблица 2

Пространственная метафорическая макро модель в российских и американских массмедиа

Метамодел и модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Локальная	524 (64,9%)	252 (59,4%)	491 (61,4%)	219 (57,2%)
1.1 Деятельно-динамическая	228 (28,3%)	121 (28,5%)	215 (26,9%)	95 (24,8%)
1.2. Бытийно-динамическая	72 (8,9%)	36 (8,5%)	70 (8,8%)	38 (9,9%)
1.3 Реляционная	68 (8,4%)	44 (10,4%)	66 (8,3%)	41 (10,7%)
1.4 Квантитативно-качественная	156 (19,3%)	51 (12%)	140 (17,5%)	45 (11,7%)
2 Геометрически организованная	283 (35,1%)	172 (40,6%)	309 (38,6%)	164 (42,8%)
2.1 Бытийно-динамическая	76 (9,4%)	46 (10,8%)	71 (8,9%)	43 (11,2%)
2.2 Интегрально-фрагментарная	45 (5,6%)	31 (7,3%)	47 (5,9%)	24 (6,3%)
2.3 Реляционная	68 (8,4%)	47 (11%)	66 (8,3%)	46 (12%)
2.4 Квантитативно-качественная	94 (11,5%)	48 (11,3%)	125 (15,6%)	51 (13,3%)
Всего	807 (100%)	424 (100%)	800 (100%)	383 (100%)

Статистически доминирующая локальная мета модель объединяет метафоры, в которых положение, перемещение объекта в пространстве ассоциируются с политически значимыми характеристиками страны-оппонента, и включает четыре модели – деятельно-динамическую, бытийно-динамическую, реляционную, квантитативно-качественную (см. табл. 2).

Концептуальную основу ядерной локальной деятельно-динамической модели составляет представление «движение есть жизнь» (развитие). В

соответствии с этим идеологема «США» и «RUSSIA» в международной деятельности позиционируются как субъекты, самостоятельно выбирающие направление и траекторию поступательного движения к своей цели, преодолевающие препятствия на пути, а при каузативном осмыслении ситуации – принуждающие другие государства и международные институты остановиться или двигаться в выгодном для страны-оппонента направлении. «RUSSIA», в отличие от «США», может также восприниматься как объект внешнего воздействия со стороны других стран и институтов. Общей негативной оценке страны-оппонента подвергается выбор цели, результатов и способов достижения цели (*Америка стремится доминировать в международной политике, пытаясь смести всех, кто встанет на ее пути*. МК. 04.06.23; *Russia is lumbering forward [in Ukraine]*. NW. 24.08.22 [*Россия медленно / неуклюже продвигается вперед [на Украине]*]; *Putin indeed is in a corner, not just in Ukraine*. NW. 13.05.22 [*Путин действительно «загнан в угол» не только на Украине*). Характеристика внутренней ситуации в стране-оппоненте дается преимущественно в американских СМИ, где в рамках той же когнитивной матрицы акцент делается на негативно оцениваемой активности руководства «RUSSIA» в достижении главной цели (сохранения и усиления своей власти) и в изменении на диаметрально противоположное направление движения страны (от либерализма к консерватизму). Но также фиксируются успехи «RUSSIA» в поступательном экономическом развитии и способности преодолевать санкционные преграды (*Putin cruises to another six-year term*. USAT. 15.03.24 [*Путин «плавно всплывает» (будет переизбран) на еще один шестилетний срок*]; *Putin has put his country in reverse*. WP. 11.03.22 [*Путин обратил свою страну вспять*]; *Russia has escaped economic collapse so far. Russia's economic growth have allowed businesses to find ways to cope [difficulties]*. ВВ. 15.11.23 [*До сих пор Россия избегала экономического коллапса. Экономический рост в России позволил предприятиям «найти пути» справиться с [трудностями]*]).

Локальная квантитативно-качественная модель занимает околоядерное положение в пространственной макромодели (см. табл. 2) и основана на ассоциации относительного положения феномена на вертикальной оси координат с его количеством, значимостью и т.п. Когнитивная матрица модели не содержит оценочно-прагматического компонента, но российские и американские СМИ используют модель преимущественно при акценте на негативных сторонах внутренней ситуации в стране-оппоненте, реже – ее международной деятельности (*Уровень расходов госбюджета постоянно превышает уровень доходов. Каждый год будет идти подобная канитель с повышением потолка [госдолга США]*. Взг. 12.05.23; *Проблема в снижении роли Вашингтона в регионе*. Вед. 08.05.24; *Interest rates have soared to 21 percent*. TNYT. 14.01.25 [*Процентные ставки «воспарили» до 21 процента*]; *S&P dropped Russia's credit rating to CCC-*. TNYT. 03.03.22 [*S&P «уронило» кредитный рейтинг России до CCC-*]).

Периферийная в локальной метамодели бытийно-динамическая модель (см. табл. 2) основана на восприятии устойчивого развития феномена как способности твердого предмета сохранять равновесие, не колеблясь и не падая, а жидкого или газообразного – как его малоподвижности (без волн, вихреобразных потоков);

соответственно отсутствие постоянства в бытии, развитии чего-либо, кризисные явления ассоциируются с отсутствием или утратой устойчивого положения в пространстве. При характеристике международной деятельности страны-оппонента обычно подчеркивается ее негативное влияние на ситуацию в мире: в своих интересах «США» и «RUSSIA» стремятся привести в неустойчивое положение своих оппонентов, конкурентов и не дать упасть лояльным им странам и политическим силам (*Американская линия на дестабилизацию обстановки в Мьянме и поддержку повстанцев служит одним из элементов политики сдерживания соседнего Китая. Постоянная турбулентность на южных рубежах Поднебесной создает напряженность по обе стороны границы.* МК. 12.04.23; *Russia is trying to undermine democracies throughout Europe, funneling funds and support to far-right groups and propaganda operations.* ВВ. 04.10.22 [Россия «подрывает почву под ногами» демократий по всей Европе, направляя средства и поддержку крайне правым группам и пропагандистским операциям]). При описании внутренней ситуации акцент преимущественно делается на кризисных явлениях в стране-оппоненте (*Страна будет до последнего балансировать на грани дефолта.* Взг. 03.05.23; *Russia's economy is likely to continue facing turbulence in 2025.* NW. 13.01.25 [Экономика России, скорее всего, продолжит сталкиваться с турбулентностью в 2025 году]).

В периферийной локальной реляционной модели (см. табл. 2) логико-классификационные характеристики (системные связи и отношения, относительная значимость) феноменов осмысляются как их положение в линейном, плоскостном, сферическом пространстве, как их позиция относительно нескольких замкнутых участков пространства (в том числе «своего» и «чужого»), а при каузативном осмыслении ситуации – как инициирование или вынужденное изменение такого положения (*США и их союзники мыслили себя как ядро системы глобального управления, а «двадцатку» – как ее периферию.* Изв. 31.10.22; *Поляризация, нетерпимость в [американском] обществе явно растут.* РГ. 20.07.23; *США не удастся изгнать Россию с международной арены.* МК. 25.04.22; *США втянули НАТО в конфликт на Украине.* РГ. 08.02.23; *Russia has become peripheral to the world economy.* Яс. 13.12.23 [Россия стала периферийной страной в мировой экономике]; *[Georgia, Ukraine] have diverged most from Russia.* Яс. 08.12.22 [[Грузия, Украина] больше всего «разошлись» с Россией]; *Keeping Russia out of the Mediterranean has been a key strategic objective.* NW. 10.05.24 [«Удержание России вне Средиземноморья было ключевой стратегической задачей]). Наиболее последовательно с помощью данной модели российские и американские СМИ делают акцент на негативной роли страны-оппонента в развитии общемировых процессов, а также на усилении ее конфронтации с другими странами.

Статистически периферийная в составе пространственной макромоделю геометрически организованная метамодель (см. табл. 2) объединяет метафоры, в которых страна-оппонент и связанные с ней феномены воспринимаются не как точка, а как пространственный объект, обладающий протяженностью, площадью или объемом. В рамках этой метамодели также выделяется четыре модели –

бытийно-динамическая, интегрально-фрагментарная, реляционная и квантитативно-качественная.

Концептуальная основа статистически ядерной в данной метамодели квантитативно-качественной модели (см. *табл. 2*) – метафорическая корреляция относительного размера объекта (в одномерном, двухмерном и трехмерном измерении) с количеством, степенью проявления качества и / или степенью значимости характеризуемого феномена. Как и в соответствующей локальной модели, прагматическая характеристика внешнеполитической деятельности страны-оппонента и внутренней ситуации в ней непосредственно связана с описываемой ситуацией (*Доля американской валюты в резервах центральных банков будет уменьшаться*. Вед. 20.04.23; *Оборонный бюджет США непомерно раздут*. АиФ. 13.02.23; *The devil in the details is Russia's ballooning LNG trade*. ВВ. 13.10.22 [*Дьявол кроется в деталях – это «раздувающаяся, как воздушный шарик» российская торговля СПГ*]; *This is a big problem, how to live without Western companies. Russia's economy is too small*. NW. 03.08.22 [*Это большая проблема: как жить без западных компаний. Российская экономика слишком мала*]).

В основе бытийно-динамической модели, занимающей околоядерную зону в составе геометрически организованной метамодели (см. *табл. 2*), как и соответствующей локальной, лежит противопоставление стабильности / нестабильности, но в данном случае эти свойства связаны не с положением объекта в пространстве, а с его качественными (физическими) характеристиками (крепкий, твердый / мягкий, хрупкий, разрушенный). Концептуально значимой особенностью модели является то, что при характеристике страны-оппонента российские и американские СМИ используют преимущественно правую часть когнитивной матрицы, с помощью которой акцент делается на негативных (дестабилизирующих) процессах во внешней и внутренней политике страны-оппонента (*США фактически разрушают все экономики в мире*. МК. 20.10.22; [*США*] *всё циничнее заявляют о желании разорвать в клочья нашу страну*. Пр. 20.06.22; *Washington began to taste the possibilities of destroying all of Russia*. NW. 13.05.22 [*Вашингтон начал «пробовать на вкус» возможности «разрушения» всей России*]; *As a country, Russia is ruined for decades to come*. WP. 11.03.22 [*Как страна Россия разрушена на десятилетия вперед*]).

Реляционная модель в данной метамодели занимает позицию ближней периферии (см. *табл. 2*). В отличие от аналогичной локальной модели логико-классификационные значения основаны на переосмыслении релятивной позиции не объекта в пространстве, а самих топографических участков. Как и в других моделях, российские и американские СМИ сосредотачивают внимание на негативных сторонах деятельности и развития «США» и «RUSSIA» ([«Коллективный Запад» во главе США] *вновь пытается опустить «железный занавес» вокруг России*. Пр. 20.06.22; *Байден передвинул «красные линии» Путина*. МК. 26.01.23; *Налицо новый повод для размежевания штатов. Сейчас водораздел пройдет еще и по вопросу о праве на прерывание беременности*. Изв. 27.06.22; *Russia will continue to drive a wedge between the Balkans and the West*. ВВ. 04.10.22 [*Россия продолжит вбивать клин между Балканами и Западом*]; *Cutting Russian*

banks' access [to SWIFT] would further isolate the country from the global financial community. Ах. 26.02.22 [Отрезание российских банков от доступа [к SWIFT] еще больше изолирует страну от мирового финансового сообщества]).

Наименее востребованная в российских и американских СМИ интегрально-фрагментарная модель (см. *табл. 2*), как и бытийно-динамическая, связана с противопоставлением целостного и нецелостного объекта, но в данном случае концептуально значимым является противопоставление целого и его части. Прагматическая же роль таких переносов аналогична ([В США] *звучат прямые призывы «расчлениТЬ» нашу страну.* Зв. 07.11.22; *США могут «разойтись по швам» как лоскутное одеяло.* АиФ. 29.03.23; *We [USA and EU] will resist all attempts [from the Russian side] to divide.* NW. 10.05.22 [Мы [США и Евросоюз] устоим против попыток [со стороны России] разделения нас на части]; *The regime uses them to divide and fragment any real opposition.* WP. 14.03.24 [Режим использует их для разделения и фрагментации любой реальной оппозиции]).

В параграфе 2.3 «**Натуралистическая метафорическая макро модель**» отмечается, что метафоры, формируемые на базе натуралистической лексики, в исследуемом материале регулярно подвержены действию «центробежных» сил и вовлекаются в сферу действия других макромоделей (ср.: *атомизировать / atomize* – геометрически организованная интегрально-фрагментарная модель; *тектонический сдвиг / tectonic shift* – геометрически организованная реляционная модель; *расти / grow* – локальная квантитативно-качественная модель). Собственно натуралистические (абиотические и биоморфные) переносы составляют дальнюю периферию исследуемых метафорических корпусов (см. *табл. 1*). Вместе с тем в употреблении таких переносов обнаруживаются концептуально значимые тенденции. Так, в основе зооморфной модели лежит восприятие животного как существа, выступающего по отношению к человеку в роли опасного хищника, добычи или объекта заботы. При характеристике страны-оппонента данная модель используется преимущественно для экспрессивной негативной оценки страны-оппонента (*Многие десятилетия американцы подбирают, натаскивают и направляют на оппонентов самых разношерстных «сукиных детей».* Изв. 25.03.24; [Запад во главе с США] *заинтересован в стравливании братских народов России и Украины.* РФ. 18.07.23; *Американские конгрессмены – «тушки на стероидах».* Изв. 22.04.24; *He [Putin] seems unlikely to accept any result that does not achieve his goal of bringing Ukraine closer to the Russian fold. ... Mr. Putin could unleash Moscow's network of criminal hackers.* ТНУТ. 03.03.22 [Похоже, он [Путин] вряд ли примет какой-либо результат, который не достигнет его цели – приблизить Украину к российскому загону. ... Г-н Путин может спустить с поводка сеть московских хакеров-преступников]; *Russian state TV removed all entertainment shows from its programming, filling the broadcasts with ... state-vetted news.* WP. 20.03.22 [Российское государственное телевидение исключило из своих программ все развлекательные передачи, наполнив передачи ... «осмотренными как ветеринар осматривает животное» (одобренными) государством новостями]).

В параграфе 2.4 «Антропоморфная метафорическая макромодел» указывается, что универсальные антропоморфные переносы в исследуемых метафорических корпусах занимают позицию ближней периферии (см. табл. 1). В концептуальном аспекте в рамках данной макромодел выделяются две базовые модели: (1) физиологическая модель (непредметные феномены ассоциируются с физиологическими характеристиками человека); (2) психологическая модель (такого рода феномены ассоциируются с ментальной, эмоциональной деятельностью человека и их поведенческим проявлением). Специфической особенностью их использования при характеристике страны-оппонента оказывается преимущественная ориентация на те части когнитивных матриц, которые связаны с фиксацией негативных физиологических и психических характеристик человека, вследствие чего макромодел становится средством экспрессивной негативной оценки «США» и «RUSSIA» («Задушить» её [Россию] представлялось [США и их союзникам] задачей весьма быстрой и легко выполнимой. Пр. 11.08.22; Гегемон смертен. АиФ. 22.03.24; Слепоглухонемой капитан дальнего плавания [Д. Байден] – то, что нужно американским глобалистам. АиФ. 13.05.23; Вашингтон теряет инстинкт самосохранения. Изв. 23.12.22; Распространение теории «китайской угрозы» вызвано очередной паранойей [США]. КП. 06.03.23; Putin is helping Hamas to hurt the West. WP. 17.10.23 [Путин помогает ХАМАС ранить Запад]; It is an isolated country ... plagued by systemic decay. NYR. 07.01.25 [Это изолированная страна, ... зараженная, как чумой, системным упадком]; The talk of a return to “traditional values” is just a symptom of the Russian government’s helplessness. Яс. 23.04.23 [Разговоры о возврате к «традиционным ценностям» – всего лишь «симптом беспомощности» российского правительства]; Mr. Putin, with his obsessions, has tried to turn back the clock. TNYT. 13.05.24 [Г-н Путин с его «навязчивыми идеями» об истории попытался повернуть время вспять]).

В параграфе 2.5 «Социоморфная метафорическая макромодел» отмечается, что данная макромодел занимает околоядерную зону (см. табл. 1) в исследованных метафорических корпусах, но по сравнению с ядерной пространственной макромоделю она менее структурированная, более диффузная и разноплановая по источникам метафоризации (см. табл. 3).

Таблица 3

Социоморфная метафорическая макромодел в российских и американских массмедиа

Метамодел	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Состязательная	135 (28,4%)	91 (38,6%)	138 (25,5%)	65 (30,4%)
2 Хозяйственно-трудовая	105 (22,1%)	52 (22%)	151 (27,9%)	52 (24,3%)
3 Финансово-экономическая	50 (10,6%)	34 (14,4%)	67 (12,4%)	21 (9,8%)
4 Сакральная	34 (7,2%)	11 (4,6%)	65 (12%)	30 (14%)
5 Иерархическая	69 (14,6%)	37 (15,7%)	67 (12,4%)	25 (11,7%)
6 «Свой / чужие»	81 (17,1%)	11 (4,7%)	53 (9,8%)	21 (9,8%)
Всего	474 (100%)	236 (100%)	541 (100%)	214 (100%)

Специфической особенностью социоморфной макромодел является то, что из шести выделенных метамоделей две (иерархическая и «свой – чужие»)

формируются из членов различных социальных семантических группировок на базе сквозных реляционных модулей сравнения, тогда как остальные четыре метамоделей ориентированы на использование членов одного семантического поля.

Наиболее четко структурированной в составе макрополя оказывается статистически ядерная состязательная метамоделей, в рамках которой можно выделить три модели с достаточно четкими когнитивными матрицами и средствами их реализации (см. *табл. 4*).

Таблица 4

Состязательная метафорическая метамоделей в российских и американских массмедиа

Модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Милитарно-состязательная	52 (38,5%)	39 (42,9%)	92 (66,6%)	40 (61,6%)
2 Спортивно-игровая	68 (50,4%)	40 (43,9%)	27 (19,6%)	16 (24,6%)
3 Азартно-игровая	15 (11,1%)	12 (13,2%)	19 (13,8%)	9 (13,8%)
Всего	135 (100%)	91 (100%)	138 (100%)	65 (100%)

Общим для всех трех моделей является базовый состязательный компонент: стремление превзойти кого-л. в каком-л. отношении, добиться лучших результатов (в сражении, в спортивном соревновании, в азартной игре) ассоциируется со стремлением добиться преимущества в чем-либо, преодолевая сопротивление (противника, соперника / конкурента) или рискуя, но рассчитывая на удачу. В каждой из трех моделей этот концептуальный компонент получает специфическое преломление, хотя границы между моделями могут быть весьма условными, что, впрочем, соответствует общеязыковым тенденциям. Примечательно, что в российских СМИ милитарно-состязательная и спортивно-игровая модели используются почти с одинаковой регулярностью, тогда как в американских СМИ явное предпочтение отдается милитарно-состязательной модели, что подчеркивает агрессивное восприятие «RUSSIA». Периферийное положение в обоих метафорических корпусах азартно-игровой модели означает, что деятельность страны-оппонента в меньшей степени ассоциируется с надеждой на случай, на удачу. Но общим свойством употребления состязательной метамоделей оказывается акцент на негативных агрессивных и конфликтных ситуациях, связанных с внешнеполитической деятельностью страны-оппонента и процессами в каждой из них (*Эксперт заявил об экономической войне в случае конфискации США активов РФ*. Изв. 02.05.24; *Республиканцы полны решимости дать новый бой сторонникам финансирования Киева*. «Ъ». 01.05.24; *Мы можем ожидать продолжения ралли на рынке акций*. Вед. 26.02.24; *Стартовые позиции республиканцев смотрелись более выигрышно. Сейчас в преддверии предвыборной гонки ситуация переходит в фазу попыток «закрыть» Трампа*. Изв. 07.11.22; *Американцы идут ва-банк в геополитической игре на Украине*. Изв. 22.04.24; *Putin has long obsessed over the idea of a civilizational battle against the West*. WP. 06.05.24 [Путин уже давно одержим идеей цивилизационной битвы против Запада]; *The Kremlin has always weaponized these commercial relations*. TNYT. 23.04.24 [Кремль всегда использовал эти коммерческие отношения в качестве оружия]; *Russia has*

been our strategic competitor. TNYT. 11.04.24 [Россия была нашим стратегическим соперником]; *Russia has been unable to deliver any knockout blow. ... Putin's army then stalled again into a stalemate*. NW. 24.08.22 [Россия не смогла нанести нокаут. ... Затем армия Путина снова зашла в патовую ситуацию]; *Russia is bluffing to scare the West*. USAT 06.05.24 [Россия блефует, чтобы напугать Запад]; *Putin's effort to re-engineer Russia is a desperate – and doomed – throw of the dice, disconnected from reality*. WP. 06.05.24 [Попытка Путина перестроить Россию – это отчаянный и обреченный «бросок игральными костями», оторванный от реальности]).

В основе статистически околядерной хозяйственно-трудовой метамоделли лежит представление о стране-оппоненте как о феноменах, связанных с трудовой и хозяйственной деятельностью человека, с теми артефактами, что используются в этой деятельности, и т.п. (см. табл. 5).

Таблица 5

Хозяйственно-трудовая метафорическая метамоделль в российских и американских массмедиа

Модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Механико-инструментальная	48 (45,7%)	28 (53,9%)	71 (47%)	22 (42,3%)
2 Искусственно-имитационная	41 (39,1%)	14 (26,9%)	50 (33,1%)	17 (32,7%)
3 Строительно-созидательная	16 (15,2%)	10 (19,2%)	24 (15,9%)	10 (19,2%)
4 Кулинарная	0	0	6 (4%)	3 (5,8%)
Всего	105 (100%)	52 (100%)	151 (100%)	52 (100%)

Специфической особенностью данной макромоделли является то, что выделенные модели достаточно диффузны по структуре, а их члены формируются на базе как ядерных, так и периферийных членов семантического поля «Хозяйственно-трудовая деятельность». Кроме того, периферийная кулинарная модель зафиксирована только в американских СМИ, где она употребляется для экспрессивной оценки степени эффективности деятельности «RUSSIA» и объективности распространяемой ею информации (*A regime is trying to sell its citizenry on an ideology that is itself half-baked*. WP. 23.03.22 [Режим пытается продать своим гражданам идеологию, которая «пропечена лишь наполовину»]). В формировании когнитивных матриц трех основных моделей и средствах их реализации есть определенная специфика, но общей тенденцией оказывается ориентация на метафорическое расширение и функциональное уподобление.

В механико-инструментальной модели страна-оппонент и различные социальные институты воспринимаются как механические агрегаты, функционирующие с различной степенью эффективности, а способы достижения страной-оппонентом своих целей ассоциируются с функционально подобными артефактами (*Политическая составляющая жизни Америки весьма хаотизирована и в этом смысле «подзависла»*. ... *Но американский бюрократический аппарат при отсутствии политической составляющей работает исключительно в инерционном режиме*. Sm. 31.07.24; *При провале Киева Вашингтон получит еще один рычаг для разорения стран Евросоюза*. КП. 21.04.23; *His central claim echoes the most persistent theme of Russia's propaganda machine*. NYP. 09.05.24 [Его центральное утверждение переключается с наиболее

устойчивой темой российской пропагандистской машины]; *Putin [was] relying ... on a swollen, well-fed security apparatus*. ВВ. 15.09.22 [Путин полагался ... на раздутый, сытый аппарат безопасности]).

Концептуальной основой искусственно-имитационной модели становится восприятие определенных видов профессиональных занятий человека, а также его деятельности по созданию определенных типов артефактов как способа формирования «параллельной» реальности, отражающей субъективное мировосприятие субъекта речи, как намеренное или ненамеренное искажение действительности и т.п. В зависимости от выбора конкретного источника метафоризации степень негативной оценки такой модификации реальности может быть различной (наиболее разнообразной в этом отношении оказывается характеристика «RUSSIA» в американских СМИ) (*Действия США по тайваньскому вопросу – это хорошо спланированный фарс*. Изв. 04.08.22; *Политическая борьба в США вырождается в какой-то цирк*. РГ. 20.07.23; *The Kremlin's "crisis-propaganda-for-export" portrays Russia as a peace-loving country*. NYP. 16.10.23 [Кремлевская «кризисная пропаганда на экспорт» «портретирует» (изображает) Россию как миролюбивую страну]; *In "Russia, Remastered," The Washington Post documents the historic scale of the changes Putin is carrying out*. WP. 06.05.24 [В статье «Россия в «улучшенной версии старого мастер-альбома» (в обновленном виде) The Washington Post документирует исторический масштаб перемен, которые осуществляет Путин]; *Putin's cynical offer to mediate in the Middle East is a farce*. NYP. 16.10.23 [Циничное предложение Путина выступить посредником на Ближнем Востоке – фарс]).

Концептуальной основой строительно-созидательной модели, как и искусственно-имитационной, является бытийно-реляционно-оценочный тип метафоризации, но ее прагматическая часть связана не с отрицательной имитационной, а с позитивной созидательной составляющей. Вместе с тем с помощью данной модели российские и американские СМИ в основном делают акцент на негативной оценке такого рода «созидания» (*Администрация Байдена не может относиться к Китаю как к равноправному партнеру США в строительстве нового мирового порядка*. Изв. 26.06.23; *При помощи конфликта России и Украины США хотят «восстановления прозападного правительства»*. АиФ. 26.04.22; *Russia is capable of rewinding the clock 800 years to restore the Russian Empire*. NW. 29.09.23 [Россия способна перевести стрелки часов на 800 лет назад, чтобы восстановить Российскую империю]).

В менее востребованной в российских и американских СМИ финансово-экономической метамодели (см. табл. 3) отношения страны-оппонента с другими государствами, международными институтами, а также морально-нравственная составляющая политики, идеологии ассоциируются с имущественными и товарно-денежными отношениями. Акцент вновь делается на негативно оцениваемых феноменах, причем более экспрессивно эту метамодель используют российские массмедиа ([США] *живет за счет остального мира*. Взг. 12.05.23; *США далеко не впервые используют доллар, чтобы грабить другие страны*. Изв. 01.04.22; *В плане продажности народные избранники США дадут фору даже*

парламентариям самой коррумпированной страны Европы. Изв. 22.04.24; *It scored territorial victories at great human cost*. NW. 24.08.22 [Она одержала территориальные победы ценой больших человеческих жертв]; *Her social media history betrays no sympathy toward Moscow or its client government in Minsk*. WP. 18.08.23 [Ее история в социальных сетях не выдает никакой симпатии к Москве или ее «клиентскому» правительству в Минске]].

Употребление периферийной сакральной метамодели (см. табл. 3) при характеристике страны-оппонента обнаруживает несколько специфических особенностей. Во-первых, более востребованной и разноплановой по источникам метафоризации она оказывается в американских СМИ (только в них фиксируются переносы на основе античной мифологии, Ислама и буддизма (*nemesis* ‘враг’ – от имени греческой богини карающего правосудия, *juggernaut* ‘слепая непреклонная сила’ – от одного из имён Кришны в индуизме: *Джаганнатха* ‘владыка Вселенной’, *месса* ‘Мекка’)). Во-вторых, в концептуальном осмыслении политических реалий как сакральных феноменов есть общее и различное. «США» в российских СМИ позиционируются как адепт культа военной мощи страны; по отношению к остальному миру они выступают в роли мессии этого культа или высшей карающей силы. «RUSSIA», с одной стороны, внутри страны и за ее пределами жестко и агрессивно утверждает культ государственной консервативной идеологии, а с другой – этот культ может стать единственным способом решить реальные проблемы страны (*Если под угрозой главная святыня вашингтонского культа – военные бюджеты, – разгул плюрализма прекращается как по щелчку, и обе партии отдают нужное количество голосов на продолжение бесконечных войн США*. Изв. 22.04.24; *Возглавив современный «крестовый поход» коллективного Запада против РФ, Вашингтон продолжает играть в нём ключевую роль*. Пр. 07.06.22; *Who cares if Russia ends up relying on a bit of Western culture to embody its anti-Western crusade?* WP. 23.03.22 [Кого волнует, что Россия в конечном итоге будет полагаться на частичку западной культуры для воплощения своего антизападного крестового похода?]; *Without any material foundation, “traditional values” here loom as a magic spell to solve the demographic crisis*. Яс. 23.04.23 [Не имея под собой никакой материальной основы, «традиционные ценности» здесь кажутся магическим заклинанием для решения демографического кризиса]).

В периферийной иерархической метамодели (см. табл. 3), как отмечалось, ведущим становится сквозной иерархически-реляционный принцип переноса, когда иерархические отношения страны-оппонента с другими государствами и международными институтами, а также разных социально-политических внутри страны ассоциируются с такого рода отношениями в других социальных сферах. С помощью данной метамодел

и российские и американские СМИ делают акцент на несправедливости, необоснованности выстраивания иерархии во взаимодействии «США» и «RUSSIA» с международным сообществом, а также правящей элиты – с другими социально-политическими силами внутри страны-оппонента (*Евросоюз действует в роли вассала США*. РГ. 23.07.23; *Раскрыт замысел кукловодов: США выигрывают от попытки наступления Украины при*

любом исходе. КП. 21.04.23; Он назвал Вашингтон самозванным «мировым полицейским». АиФ. 21.06.23; Большой брат» [США] не будет жертвовать собой [ради ЕС]. МК. 16.05.23; Сам ВС США сейчас по сути является «советом старейшин, который творит право, по которому живут люди». Изв. 27.06.22; *Dodik would happily destroy his nation to please his master in Moscow*. ВВ. 04.10.22 [Додик с радостью уничтожил бы свою страну, чтобы угодить своему хозяину в Москве]; [Putin] *planned to topple Ukraine's democratically elected government, install a Kremlin puppet regime*. ТNYT. 14.01.25 [[Путин] планировал свалить демократически избранное правительство Украины, установить марионеточный режим Кремля]; *In his pursuit of a "moral" Russia with himself as czar, Putin...* WP. 11.03.22 [В своем стремлении к «нравственной» России с самим собой в качестве царя Путин...]).

Наконец, периферийная метамодель «свои – чужие» (см. табл. 3), как и иерархическая, формируется на базе сквозного реляционного модуля сравнения: союзнические отношения страны-оппонента с другими государствами, международными институтами трактуются как отношения человека со своими родственниками, друзьями, партнерами, а конфликтные – как отношения с недругами, представителями чуждых цивилизаций и т.п. Примечательно, что данная метамодел ь более активно и разнообразно представлена в американских СМИ (*Кроме ближайших друзей и военных союзников Соединённых Штатов на Западе и в Восточной Азии, большая часть мира не заинтересована в присоединении к возглавляемой США кампании по изоляции России*. КП. 03.04.22; *We will have earned from Russia and its friends (China, Iran, North Korea) what makes enemies doubly dangerous: contempt*. WP. 25.09.24 [Мы заслужим от России и ее друзей (Китай, Иран, Северная Корея) то, что делает врагов вдвойне опасными, – презрение]; *The Russian president has abandoned the minimum consensus of the civilized world*. NW. 03.08.22 [Российский президент отказался от минимального консенсуса цивилизованного мира]).

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются полученные результаты и намечаются перспективы дальнейшего изучения процесса формирования и репрезентации идеологем в современной политической коммуникации. В частности, отмечается, что концептуальные метафоры активно и системно используются российскими и американскими СМИ при формировании образа страны-оппонента, что именно это обуславливает создание хорошо структурированных идеологем «США» и «RUSSIA» в российской и американской ПКМ. Общим свойством данных идеологем в концептуальном аспекте является преимущественное представление о стране-оппоненте как о суверенном субъекте международных отношений с достаточно четко сформулированными целями и задачами внешнеполитического и внутривнутриполитического развития. В прагматическом аспекте общим свойством идеологем «США» и «RUSSIA» является их резко негативная оценка в российской и американской ПКМ. Отмечается, что сделанные в результате исследования выводы, безусловно, не могут считаться окончательными. Во-первых, интерес представляет анализ «центробежных» и «центростремительных» процессов при формировании

метафор в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента в соотношении с общеязыковыми тенденциями. Во-вторых, значимым является динамический анализ метафорических образов идеологом «США» и «RUSSIA» на разных этапах развития отношений между этими странами. В-третьих, перспективным кажется расширение объекта исследования за счет анализа употребления метафор при характеристике других государств (например, Украины, стран «коллективного Запада», Китая) в российских и американских массмедиа.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Кириллова, К. И. Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа) / К. И. Кириллова // Политическая лингвистика. – 2025. – №2. – С. 154–161 (0,5 п. л.).

2. Балашова, Л. В., Кириллова, К. И. Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи в российских и американских общественно-политических массмедиа (на материале деструктивных метафор) / Л. В. Балашова, К. И. Кириллова // Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 4 (44). – С. 357–367 (0,63 п. л.). DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-357-367

3. Кириллова, К. И. Роль состязательных метафор в формировании идеологом «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ / К. И. Кириллова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 110–118 (0,56 п. л.).

4. Кириллова, К. И. Аналитический обзор о США в современных российских массмедиа: особенности жанровой структуры (на материале пространственных метафор) / К. И. Кириллова // Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 3 (43). – С. 266–276 (0,63 п. л.). DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276

Статьи в прочих изданиях:

5. Кириллова, К. И. Роль антропоморфно-личностной метафоры в формировании идеологом «США» и «Россия» в российских и американских общественно-политических СМИ (сопоставительный аспект) / К. И. Кириллова // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. – Саратов, 2025. – Вып. 28, ч. I-III. – С. 238–244 (0,44 п. л.).

6. Кириллова, К. И. Метафоры из сферы «Неживая природа» как способ формирования идеологом при характеристике страны-оппонента (на материале статей американских и российских массмедиа) / К. И. Кириллова // Язык и культура в глобальном мире. Выпуск №4. Сб. ст. – СПб. : ЛЕМА, 2025. – С. 294–300 (0,44 п. л.).

7. Кириллова, К. И. Роль социоморфной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа) / К. И. Кириллова // LII Международная научная

филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой : сб. тезисов, Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 года. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. – С. 1115–1116 (0,13 п. л.).

8. Кириллова, К. И. Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа) / К. И. Кириллова // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира : сб. материалов межд. научно-практ. конф. (ПГНИУ, 2–3 февраля 2024 г.). – Пермь, 2024. – С. 271–280 (0,63 п. л.).

9. Кириллова, К. И. Образ Соединенных Штатов Америки сквозь призму антропоморфной концептуальной метафоры (на материале российских массмедиа) / К. И. Кириллова // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. – Саратов, 2024. – Вып. 27, ч. I–III. – С. 228–231 (0,25 п. л.).

10. Кириллова, К. И. Специфика языковой картины мира современного российского политического дискурса (на материале общественно-политических газет 2022-2023 годов) / К. И. Кириллова / Восьмые Моисеевские чтения : Материалы Межд. науч. конф. студентов и преподавателей, посв. памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22 ноября 2023 г. – Оренбург : Изд-во «Оренбургская книга», 2024. – С. 59–62 (0,25 п. л.).

Подписано в печать 18.03.2026 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №
Типография СГУ

г. Саратов, ул. Б. Казачья 112а
тел.: (845-2) 27-33-85